

Вильмовка, радная! Кольвима 19/10, 27

Какой сегодня у меня хороший день!
Я неожиданно получил твою посылку,
адресованную еще во Владимирском и
Симбирском у Захарова. Совсем не
жданная и довольно радостная! Пусть это еще
не ответ на мои попытки связаться с тобой,
из Кольвима; но ты собираешь эту посылку
твоей рукой она написана, твой забота
взвешивается еще раз. Ты пишешь мне,
эта посылка, очень во-первых: сахар и фрукты
содержит и потому нечего я думаю тебе не
есть, и сразу почувствовал, что значит сахар и
фрукты здесь.

Мне, я думаю очень много попыток связаться
с тобой, но пока ответа не было. Это с
тебегражданскими - совсем не могу тебе
писать; все-таки стараюсь и это сделаю; а вы
если можете мне помочь, думаю, что какое-
нибудь, а дай же, и ты же стараешься в ответ.
Вот только - кому же я? Это не всегда обяза-
тельно. Адрес мой такой: Малага, Кабаровского
Край, Оротукан, уезд Кечикалий, мис. Мофре
писал и так: Малага, Кабаровского Край, уезд
м. 20/10, мис. Это - более официальная адрес,
и ты мне тоже пиши о Владимирской посылке.
Главное, Вильмовка, это - каждо писать и же стараюсь
вас. Старайся здесь жить, кому каждо писать: он
командует, если не все, то боюсь каждо Коффеион-
дминистрации. Я надеюсь, что ты скоро еще раз в деле
написать или же стараюсь. А для меня

написав от тебя первую телеграмму - все равно, что пошлешь уведомить далеко в несколько часов море - флотилии и родной берег. Мухоморок, а не буду писать тебе по поводу обо всем том, что мне пришлось испытать, и, даже морей, еще изрядно испытывать. Ты вообще только знаешь, что сейчас - а уже истреби, как всегда, к берегу флотилии, конечно, не провозят что-нибудь казенное. Рациональное состояние мое постепенно восстанавливается, отъезды становятся меньше (др. Г. Н. безбедные отъезды, оттого они и к чему - морей тебе скажу любой врал). Сейчас я переезжу с центральной командировки (Киркено Нечеланого) - на центральную команду. Значит, это уже предельно море, сразу я пока совсем в командировку - Ранний Киев. Здесь я работаю уже не в забое, а дивизионный в паша-ке мур. командиры - это ведь неравные вещи: мажоры - это земля! Земля - какашка пока только слегка болыше, но морей еще не; а дуну. И если я проведу зиму так - то морей быть спокойна воюю. Сделали меня здесь, как единственного скринка. Сделали руководителем дивизиона - дивизиона. Одна раз я уже выезжал (это с кучмакскими, выровняли от морей руками!) и изиди все! Хорошо: люди давно не слышали скринки. Завтра первое выездное дивизиона. Мне руководить изиди: отсюда не, а здесь раньше был руководителем изидиона. Ну итак, сейчас мое, как только набраться сил! Работы дивизиона у нас не так уж много. - Девки мои еще из Владивостока не изидили. Но тут нашлись один еврей, очень хороший человек, который вын.

дней меня взять у него 25 рублей, и пока я 28 писал на первую телеграмму: на писано, телеграмму, чаше. Я поехал, Лик, Гери - последним из всех служилых, и самого дорогого для меня. Это очень, очень важно. Где он? Писал ли Блюма от него что-нибудь? В первом же письме сообщил мне адрес брата, Левко, а хочу написать ему и попросить от него письма. Бюме я тоже написал; и ты напиши ей, пусть она телеграфирует мне и пишет. Бюмочка, несколько человек с моими евоками поехали либо на свободу, либо на переезд. Что говорить тебе о моих думках? Они - между евоками, украинской командой ("и. б. - и я пишу...") и - Бюмочкой, мыслью, что это - не для меня счастье. Вероятно, что Курор уже давно для свой отъезд на свободу за-лучника? Дорого бы я дал, чтобы знать этот отъезд, а за чаше евоками - отдам бы пошлему тому, что мне евоками еще нравится... Но - это всё Бюмочка. А ведь, что в первом же телеграмме ты сообщила мне о моей судьбе, или, евоками - о судьбе флотилии залучника. С момента, когда ты мне телеграфировала (24/IV) о выезде дивизиона в Москву - прощай уже почти навсегда! Нет, не вернется мне, что дивизион в заднице сообщит мне о проезде. Конечно, что Курор отключил флотилию. Ну, что же. Думает ли залучник, что следует обращаться еще куда-нибудь? Куда? Лично я думало только, что в конечном итоге судьба моя - в моих руках, и если только евоками - воюю но мне - Бюмочка, беспомощна - я смогу сама ево (судьбой) распоряжаться по евоками - евоками. Я уверяю, Лик, что если бы ты могла сейчас евоками на евоками и евоками мои евоками (г. е. пошлему все то, что она выдала), то и

ты не наша да много решения. Ибо ясно, вероятно, и тебе, что ни до нас, ни после, бессуднейшая надежда — не есть решение. Но — лагу, оставши эту осень счастливо и умирно дему на, до весны, когда я буду знать больше, чем сейчас.

Сегодня как раз 4 года и 10 мес. нашему Луся-Кину. Недавно, сидя ночью на диване (а по ночам обязан диванить, и сейчас тоже пишу ночью) — я взял было рисунок его, с фотокарточки. Но ничего не вышло: вся идея зря, много, сербского мучива пропадет. Но муку ли я сюда, кто и его последние фото?

Былмошка, я ни о чем не расширяю в зря писанине. Я только мало судью об этом: чтобы помирить покаяние от себя, Керино, мне — маме и писанине; а потом уже пишу, сидя-швар. Я часто думаю о том, как сейчас дружно был вдвойне трудно: и внешне и внутренне. Не думай, что я предлагал себе какой-то сладкой являю жизни только потому, что ты — там, а я — здесь. Нет! Сладость жизни во зря жизни в том, что там — мы вместе могли бы нести и жизнь дружно.

Былмошка, я кончаю. Да, если я в авиароботских писанинах пишу о писанине, — р сейчас некое об этом пишу, ибо скоро (через 2 мес.) концы накатаются. Не пошарь-те выск, на весну!

Будь здоров, Луся-Кин. Живите благополучно оба. Крепко обнимаю и целую тебя и твою. Твой Вольф

Таня написала в среду. Где он и что с ним? Счастливейшей маме «Сере».

Р. I. 27/4

ощавивше писмо, намеренное Ричи
исполнить — не удалось: оно уже дошло
до 24го и когда я своему его ошави-
вше — не знаю. Косвенно...

Вот почему, за эти дни произошли
два события: во первых — 20го июня
я ел, наконец, ошавивше себе
первое лекарство (с квиданцем)
рецидиву. Да, я каково, дожда
до себя. Стендль только ошавивше
себя: когда бы ее пошавивше, когда
я пошавивше ошавивше на все, — и пошавивше
ли вобдиче?!

Во вторых — 24го я пошавивше первое
рецидиву от себя. Точно, какое
до ошавивше, здесь! До рецидиву
пошавивше в Магадане 9го ав-
густа, на франц. ст. 3. Мы все, я узнаю,
что мои письма не достигли Зои
во Владивостоке бы пошавивше, что
сама писала и что бы бы Зои и
здоровы. Ну, всё это очень, очень радостно
но мне, не говоря уже о том, что
я держу в руках первое рецидиву

из дому: Родион Криво увиди зы-
 мон парочка (ваибла, — парча караб-
 ла) на парадной безбрежной скале...
 Значи, я тебе мой жезл по дому
 адресу еще: твою пядь, — генералов,
 писем. Ты видишь письма: 9/III — 24/IV: ...
 Спасибо, слава за пожелание богороди
 и еще. Слава богороди, буду зависеть от
 неслыханных условий, и в их числе сама
 главное, — др чр и как я буду иметь
 от себя. А еще — ты, я желаю, как
 моему, уму свое создание, чтоб о тебе
 тебе каминает крайняя слава. Ну,
 думаю, что если пожелание мое еще
 месяц 2-3 не изменится к худшему
 (в смысле превращения на одинокую работу),
 др я подражаю и о тебе. Др — слава
 пишу, а ты — слава слава зря.
 — Значи, в конце моего м-я др
 еще не имеет смысла от шоколада?
 Хотя, др из генералов не следует.
 У меня, мн, такое предчувствие
 что др не даром молчал в др
 генералов о деле... Ну, хорошо,
 посмотрим, что судьба готовит.
 Мира, где еще с еще болевшими
 кудрями твоим писем — а ты
 чага, наклон, ерота, где дураче др,
 шепот, ваша галка, и такая близкая
 жизнь. Будь здорова, одиноким и широко
 ред, и всю крепко. Твой Вольф

Р.Р.В.

2/11/40 30

Да, — пишешь мне одну приписку
сдаться, но — каверза, это последняя при-
писавкой твоя. Конечно, не вся-
кое письмо мне так сильно отпеча-
тано. Но я почему-то больше уверен.
В таком письме, чем в обычном.
Позавчера мне осматривал шавряк
Большинство, очень хороший и хорошо ко-
ммунистический человек. Скажи:
«Орашцы у Вас — очень неприятны. Говорят
Вам дали, очевидно, по одному сожго-
нию орашца. С сердцем у Вас по-
чужо: являлись со стороны Шокарда,
сердечной аорты и — склеяны. Помещает
— раковина для 1/2 возраста. Кроме того,
у Вас безбелковые орашцы — Вы знаете,
что это значит. Будет лечить от печени
рака у Вас в стационаре. А основное —
— как надзирается, но...» Какую «но» — я
знаю лучше его, какой анализ мал-
врачом. Проф. П.В. Видишь — я пишу тебе
не скрываю ничего о своем здоровье.
Не беспокоюсь, радуюсь: если ничего не
изменилось к худшему — зиму я продержу,
а весной — лето, да и ты сможешь мне
немножко помочь весной.

Дядя мой работает, и я поселился в одну
 в "группу". Девятое - большой коммунд,
 хотя это слово звучит здесь как суждено
 и неумерно... Моряки уже начали, но
 пока 35°-40°-43°, и мне они не страш-
 ны: я получил новые важные друзья, новый
 хороший друг, новую маму. Правда, у
 меня еще в семье украинца дочка
 все же, что бы мне пришла на зиму по-
 - мое дело, это факт, и я очень устал
 только устал, грусть, забота и суета.
 Я уже теперь какаю дни: ах вот за
 первой мажорной - австрийской генеральной
 посылкой более поздне генеральной и
 письма? Когда держишь в руках этот
 шифр "оттуда" - какое странное и
 смелое чувство: радость и новая радость,
 надежда и надежда, сознание огромного
 одиночества - и горячей нирваны, святого
 идиота с добрым умом сердцу! Да,
 мх, мх! Приидеся-ли еще рассказы-
 вать тебе обо всем об этом? Да или нет?
 Сердце говорит - да, разум - нет. —
 Ну, радная, я не буду бедить и без
 того большие души и чувства свои. Бучь
 здорова и благополучна, и Гусёнок с родом.
 Крепко обнимаю вас обоих и целую.
 Твой Вольф

Я уже теперь какаю дни: ах вот за первой мажорной - австрийской генеральной посылкой более поздне генеральной и письма? Когда держишь в руках этот шифр "оттуда" - какое странное и смелое чувство: радость и новая радость, надежда и надежда, сознание огромного одиночества - и горячей нирваны, святого идиота с добрым умом сердцу! Да, мх, мх! Приидеся-ли еще рассказы-вать тебе обо всем об этом? Да или нет? Сердце говорит - да, разум - нет. — Ну, радная, я не буду бедить и без того большие души и чувства свои. Бучь здорова и благополучна, и Гусёнок с родом. Крепко обнимаю вас обоих и целую. Твой Вольф